

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА ЯМАНДУ ОРСИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

И.В. Заалишвили

НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

selivanova-irina@inbox.ru

Аннотация: В настоящее время Уругвай является одной из наиболее социально, экономически и политически развитых и стабильных стран Латинской Америки, что обуславливает особую актуальность анализа политических нарративов как инструмента стратегической институциональной коммуникации в президентском дискурсе Яманду Орси. Теоретико-методологическую основу исследования составили труды в области политической лингвистики, лингвокультурологии и лингвопрагматики, включая критический дискурс-анализ Н. Фэркло, социокогнитивный подход Т. ван Дейка, дискурсивно-исторический метод Р. Водак и риторико-критический подход Дж. Чартерис-Блэка. Цель исследования заключается в выявлении ключевых политических нарративов президентского дискурса Я. Орси, а также анализе механизмов их языковой репрезентации и дискурсивных функций. Методологический инструментарий работы включает методы критического дискурс-анализа, нарративного анализа и лингвоидеологического анализа. Эмпирическим материалом послужили 34 публичных выступления Яманду Орси, произнесенных в период с 1 марта 2025 года по 18 апреля 2026 года. Проведенный анализ позволил установить механизмы стратегического конструирования институционального образа Уругвая как внутри страны, так и на международной арене, а также определить национально-специфические особенности риторики его лидера. В ходе исследования были выделены пять ключевых политических нарративов (тематических осей) президентского дискурса. Во-первых, демократия осмысливается как фундамент существования государства, источник его стабильности и общественного согласия. Во-вторых, плюрализм мнений и сменяемость власти рассматриваются как неотъемлемые принципы демократического развития, обеспечивающие баланс интересов и защиту прав граждан. В-третьих, преемственность власти интерпретируется как гарантия стабильности и общественного благополучия, формируя ощущение предсказуемости политической системы. В-четвертых, устойчивость экономической и социальной сфер трактуется как производная политической стабильности. Наконец, мирное сосуществование внутри страны и за ее пределами представляется необходимым условием устойчивого развития. Совокупность указанных нарративов, выраженных различными языковыми механизмами (идеологемы, метафоры, синтаксический параллелизм, интертекстуальные отсылки), формирует образ Уругвая как стабильного и динамично развивающегося государства, руководство которого ориентировано на диалог, социальную

справедливость и международное сотрудничество. Полученные результаты вносят вклад в изучение национально-специфических вариантов латиноамериканского политического дискурса.

Ключевые слова: политический нарратив, президентский дискурс, латиноамериканский дискурс, языковая репрезентация, идеологемы, Уругвай, Яманду Орси.

Для цитирования: Заалишвили, И.В. (2026). Политические нарративы президентского дискурса Яманду Орси и их языковая репрезентация. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(3), 11–39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение латиноамериканского дискурса представляет собой динамично развивающееся направление современного языкознания, привлекающее внимание лингвистов и специалистов смежных гуманитарных дисциплин (Бочаров, 2024; Давтян, Крюкова, 2022; Моисеенко, 2019; Филаткина, 2015; Grassetti, 2020; Slimovich, 2016). В последние годы появились работы, посвященные механизмам формирования и трансляции латиноамериканской идентичности — ее символическим и идеологическим компонентам (Ларионова, 2024, 2025; Хейфец, Коновалова, 2022; Чеснокова, Котеняткина, Гишкаева, 2024). Наряду с общими закономерностями латиноамериканского политического дискурса значительный интерес вызывает его национально-специфическая реализация на материале отдельных государств региона. Одним из наиболее показательных примеров здесь служит Уругвай, по праву считающийся одной из самых примечательных стран Латинской Америки.

Для Уругвая характерны устойчивая приверженность демократическим институтам (за исключением периодов диктатур 1933–1938 и 1973–1985 гг.) и высокий уровень зрелости гражданского общества, благодаря чему за страной закрепилось неофициальное название «латиноамериканская Швейцария». Государство отличается укорененной партийной системой, развитой моделью социальной защиты и длительной традицией демократического участия. Уругвай одним из первых среди стран региона законодательно закрепил всеобщее избирательное право. Кроме того, страна занимает ведущие позиции в Южной Америке по уровню жизни и уровню грамотности населения. Последовательная поддержка научных исследований и инноваций со стороны государства, а также сформировавшийся стабильный инвестиционный климат способствуют притоку внешних ресурсов и укреплению экономической устойчивости страны (Селиванова, 2022, с. 101). В связи с этим особую **актуальность** приобретает изучение политического дискурса президента Яманду Орси, в котором не только отражается, но и конструируется уникальная модель стабильной демократии и социально ориентированного государства в латиноамериканском контексте. Несмотря на растущий интерес к политическим дискурсивным практикам стран данного региона, риторика современного уругвайского руководства до настоящего времени не становилась предметом специального научного анализа.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых политических нарративов в публичном дискурсе Яманду Орси, а также анализ механизмов их языковой репрезентации и выполняемых ими дискурсивных функций. Данная цель конкретизируется в решении следующих задач, сформулированных в виде вопросов:

а) Какие ключевые нарративы задействуются в президентском дискурсе для описания и легитимации образа Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии», закрепившегося за страной в академической и публицистической литературе?

б) Различается ли образ Уругвая, конструируемый в публичных выступлениях президента Яманду Орси, в зависимости от адресата — внешней аудитории (международное сообщество, инвесторы, зарубежные партнеры) или внутренней (граждане Уругвая)?

в) Посредством каких языковых средств, помимо идеологем, выражаются нарративы в текстах официальных выступлений Яманду Орси и какие дискурсивные функции они выполняют?

Решение поставленных вопросов призвано заполнить лакуну, связанную с отсутствием специальных лингвистических исследований политической риторики современного уругвайского руководства, и внести вклад в изучение национально-специфических вариантов латиноамериканского политического дискурса. При этом следует обозначить ряд ограничений исследования. Во-первых, хронологические рамки работы охватывают лишь начальный этап президентства Орси (с 1 марта 2025 г. по 18 апреля 2026 г.), что не позволяет в полной мере проследить эволюцию дискурсивных стратегий и их трансформацию в условиях возможных политических или экономических кризисов. Во-вторых, исследование ограничивается анализом официальных публичных выступлений и не включает иные формы политической коммуникации — интервью, публикации в социальных сетях или неформальные высказывания, — которые также могут играть значимую роль в конструировании политического образа лидера. В-третьих, работа с переводами испаноязычных текстов на русский язык потенциально связана с частичной утратой коннотативных оттенков значения и прагматического потенциала оригинальных высказываний. Учет указанных ограничений позволяет более корректно интерпретировать полученные результаты и одновременно задает перспективные направления для дальнейших исследований.

2. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическая база исследования носит междисциплинарный характер и опирается на положения критического дискурс-анализа, представленные в работах Н. Фэркло, Т. ван Дейка, Р. Водак и Дж. Чартерис-Блэка.

Основу исследования составляет критический дискурс-анализ Нормана Фэркло, рассматривающий дискурс как форму социальной практики, посредством которой воспроизводятся и легитимируются отношения власти, идеологические установки и модели коллективной идентичности (Fairclough, 1995). Использование трехмерной модели анализа (текст – дискурсивная практика — социальная практика) позволяет исследовать президентский дискурс Яманду Орси как механизм символического конструирования политической реальности и национального образа Уругвая.

Подход Т. ван Дейка (van Dijk, 2008) дополняет данную перспективу за счет акцента на когнитивном измерении дискурса. В рамках социокогнитивной модели дискурс рассматривается как механизм формирования коллективных представлений, социальных знаний и идеологических установок. Такой подход позволяет проследить, каким образом в президентских выступлениях закрепляется образ Уругвая как государства стабильности, институциональной надежности и демократической преемственности.

Концепция дискурсивно-исторического подхода Р. Водак (Wodak, 2009) позволяет рассматривать президентский дискурс в широком историческом и социополитическом

контексте. Особую значимость для настоящего исследования приобретает анализ интертекстуальности, исторической памяти и стратегий легитимации, с помощью которых воспроизводится и адаптируется образ Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии». Подход Р. Водак дает возможность выявить, каким образом президентский дискурс апеллирует к коллективным представлениям о национальной исключительности, политической умеренности и культуре общественного согласия.

Риторико-критический подход Дж. Чартерис-Блэка (Charteris-Black, 2011), в свою очередь, сосредоточен на анализе языковых средств — прежде всего метафор, риторических стратегий и символических образов — как инструментов убеждения аудитории и легитимации политической власти. Данный подход объединяет элементы критического дискурса-анализа и классической риторики. В центре внимания оказывается не только содержание политического высказывания, но и его персуазивный потенциал — способность воздействовать на ценности, эмоции и представления аудитории. Чартерис-Блэк рассматривает политический дискурс как форму стратегической коммуникации, в рамках которой языковые конструкции формируют общественное восприятие событий, политических акторов и национальной идентичности.

Особое значение в его концепции придается метафоре как инструменту когнитивного и эмоционального воздействия. Посредством метафор политические лидеры упрощают сложные социально-политические процессы, создают понятные аудитории интерпретационные схемы и укрепляют определенные идеологические установки. В контексте анализа президентских выступлений Яманду Орси данный подход позволяет исследовать, какие метафорические модели используются для конструирования позитивного образа государства («маяк республиканизма», «президент без охраны», «спокойная страна»), каким образом формируется доверие к власти, а также как через риторические средства воспроизводятся коллективные ценности и элементы национальной идентичности.

Сочетание указанных подходов обеспечивает комплексный анализ политических нарративов президентского дискурса, позволяя исследовать их одновременно на идеологическом, когнитивном, историко-контекстуальном и языково-риторическом уровнях.

В последнее время активно изучается влияние политических нарративов на общественное сознание с привлечением разнообразного языкового материала (Заалишвили, 2025; Островская, Хачмафова, 2024; Скрынникова, Генералова, 2024; Тамерьян, Шаипова, 2024; Ульдaнов, 2024). Интерес к этой проблематике объясняется способностью нарративов напрямую воздействовать на интерпретацию и оценку социополитических явлений в обществе — именно это свойство превращает их в ключевой инструмент современных политиков во взаимодействии с избирателями и оппонентами, а также в ходе дебатов и сложных переговоров (Ульдaнов, 2024, с. 69).

В настоящей статье под *нарративом* понимается «символическая форма продвижения политических смыслов», используемая политическими акторами в дискурсивном пространстве для легитимации собственных идейных приоритетов и ценностных ориентаций (Соловьев, 2025а, с. 73). В силу выраженной прагматической направленности и высокой коммуникативной эффективности нарративов в последнее время намечается тенденция к их более активному использованию в политической коммуникации (Скрынникова, Генералова, 2024).

Как отмечает А.И. Соловьев, «мнимое простодушие нарративов (не требующих от человека ни особых компетенций, ни даже политического опыта)» помогает политическим месседжам проникать в глубинные структуры сознания, формируя у аудитории, как правило,

схематичное и чрезвычайно упрощенное восприятие окружающей действительности (Соловьев, 2025b, с. 22). При этом их задача заключается не в трансляции объективной истины, а в закреплении определенных интерпретационных схем в зависимости от текущего социополитического контекста (Соловьев, 2025a, с. 74). Следовательно, значимость политических нарративов заключается в их способности управлять коммуникацией и направлять общественное сознание в желаемое для политического субъекта русло. К характерным признакам политического нарратива относятся доступность изложения, актуальность транслируемых идей для широких масс населения, высокая степень воздействия, превосходящая зачастую научные и иные виды аргументативных практик, эмоциональная заряженность (Тамерьян, Шаипова, 2024).

Анализ теоретических источников свидетельствует не только о росте интереса к теме политических нарративов, но и о наличии сходных подходов к трактовке данного феномена. В частности, в работе Т.А. Островской и З.Р. Хачмафовой нарратив определяется преимущественно как инструмент трансляции идеологических смыслов, а также как «объясняющее» повествование, сочетающее изложение событий с их интерпретацией; подчеркивается субъективный характер рассказа-толкования, в котором доминирующую роль играют личные эмоции и авторская оценка события (Островская, Хачмафова, 2024). Сходной позиции — понимания нарративов как средства формирования политических взглядов — придерживаются И.В. Скрынникова и Л.М. Генералова, отмечая, что умелое применение нарративных практик в политическом дискурсе неизменно ведет к политической победе (Скрынникова, Генералова, 2024, с. 124). Особого внимания заслуживает точка зрения А.И. Соловьева (2025a; 2025b), который последовательно обосновывает, что эффективность нарратива напрямую зависит от его способности маскировать сложные политические смыслы, облекая их в доступные для широкой аудитории формы. В развитие уже начатых исследований представляется целесообразным обратиться к изучению политических нарративов с позиций лингвоидеологии и политической лингвистики на материале дискурса уругвайского президента Я. Орси.

Политический нарратив, будучи формой продвижения идеологических смыслов, нуждается в материальных репрезентантах в ткани дискурса. Таковыми выступают единицы когнитивно-дискурсивного порядка, среди которых центральное место занимают *идеологемы*. Однако их анализ в лингвоидеологическом ракурсе требует предварительного терминологического размежевания с *концептом* и *политико-правовой формулой* ввиду их содержательной и функциональной близости.

Политико-правовая формула — устойчивое теоретическое или нормативное выражение, кратко отражающее взаимосвязь политики и права, а также основные принципы организации государственной власти и правового регулирования (например, «правовое государство», «разделение властей», «социальное государство», «верховенство закона»). Подобные формулы широко используются в политологии, теории государства и права, конституционном и международном праве.

Под *идеологемой* понимается когнитивная единица, в структуре которой «актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» (Малышева, 2009, с. 35). Семантическим ядром идеологемы является идеологически нагруженная лексема, содержательная специфика и оценочные смыслы которой определяются прагматической рамкой — коммуникативной ситуацией, особенностями

общественно-политического порядка, а также политическими взглядами участников коммуникации. К ключевым признакам идеологемы относятся: национальная специфика, изменчивость семантики, высокая аксиологическая насыщенность, частотность употребления и разнообразие форм выражения (лексемы, клише, метафоры и др.). Посредством идеологем политический текст не только транслирует программные установки, но и задает систему ценностных координат, формируя у аудитории определенное представление о социополитической реальности.

В настоящей статье под *концептом* понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин, 2007, с. 24). Вместе с тем вербализация концепта не является обязательным условием его существования: выделяется множество концептов, не обладающих устойчивым языковым обозначением, однако их концептуальный статус не подлежит сомнению.

Сходство между концептом и идеологемой заключается в их принадлежности к сфере мышления и когнитивных процессов. Ни концепт, ни идеологема не сводятся непосредственно к слову или тексту: оба явления лишь вербализуются посредством языка, актуализируя свое содержание через лексические единицы. При этом каждая из этих категорий включает элементы смысла, которые остаются вне языкового выражения и не поддаются полной вербализации.

Основное различие между концептом и идеологемой заключается в характере и объеме их содержания. Концепт аккумулирует исторические и современные представления, социальные и индивидуальные интерпретации, а также взгляды различных социальных групп. Идеологема, напротив, отражает более обобщенное и культурно закрепленное представление о явлении или предмете, который она обозначает (Безродная, 2013, с. 144).

В отношении оценочности и эмоциональной окраски рассматриваемых феноменов следует отметить, что концепт характеризуется вариативностью и неоднозначностью аксиологической оценки, сопровождающей его на протяжении генезиса и дальнейшей эволюции. Идеологеме, напротив, свойственен относительно устойчивый и однозначный аксиологический модус, актуальный на конкретном этапе ее функционирования. Кроме того, идеологема неизбежно включает авторскую оценочность, определенную интерпретацию действительности и специфическую стилистическую манеру репрезентации в рамках конкретного дискурса (Малышева, 2009, с. 38).

При анализе соотношенности данных феноменов с денотатом выявляется их принципиальное различие: концепт в большинстве случаев обладает референтностью и непосредственно отсылает к объекту действительности, тогда как идеологема либо подменяет собой элемент реальности, либо наделяет его дополнительными смыслами, служащими целям информационного воздействия и манипуляции.

Различия между концептом и идеологемой проявляются в том числе и на функциональном уровне. Выполняя когнитивную функцию, концепт характеризуется широким смысловым содержанием, сохраняет непосредственную связь с денотатом и отражает как коллективные, так и индивидуальные представления. Идеологема, напротив, ориентирована прежде всего на манипулятивное воздействие, то есть на целенаправленное влияние

адресанта на сознание адресата. В силу этого она транслирует стереотипизированные представления, подменяет собой действительность и отличается высокой степенью оценочности (Безродная, 2013, с. 144).

Таким образом, если политико-правовые формулы задают нормативную рамку политического дискурса, а концепты обеспечивают когнитивную основу осмысления политических явлений, то именно идеологемы выступают ключевым инструментом целенаправленного идеологического воздействия во властном дискурсе. Данное обстоятельство обуславливает выбор лингвоидеологического подхода в качестве методологической основы дальнейшего анализа политических нарративов Яманду Орси.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составляет корпус из 34 публичных речей Яманду Орси, опубликованных на официальном сайте Правительства Уругвая¹. Цель статьи заключается в выявлении ключевых нарративов президентского дискурса, участвующих в конструировании образа страны и нации, а также способов их языковой репрезентации.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс взаимодополняющих методов. Дискурс-анализ позволил рассмотреть политический дискурс как социальное явление, выявить скрытые смыслы и манипулятивный потенциал высказываний. Нарративный анализ дал возможность установить, каким образом посредством «объясняющих» повествований политические смыслы и идеологические установки переводятся с абстрактного уровня на конкретный, становясь доступными широкой аудитории. Лингвоидеологический анализ, в свою очередь, позволил определить языковые репрезентанты, посредством которых в президентском дискурсе закрепляются ценностные ориентиры и формируется образ страны.

Процедура вычленения нарративов в настоящем исследовании осуществлялась в соответствии с тематическим анализом, предложенным В. Браун и В. Кларк (Braun, Clarke, 2006). Данная процедура предполагает последовательный переход от первичного кодирования текстового материала к выявлению устойчивых смысловых структур, репрезентирующих политические нарративы президентского дискурса. В частности, на первом этапе осуществлялось формирование корпуса текстов, включающего официальные выступления президента Яманду Орси, с учетом их тематической релевантности и коммуникативной направленности (внутренняя или внешняя аудитория). На втором этапе проводилось первичное кодирование материала. В текстах выделялись повторяющиеся смысловые элементы, связанные с репрезентацией государства, власти, общества, демократии, стабильности, национальной идентичности и международного образа Уругвая. Кодирование осуществлялось как на лексико-семантическом уровне (ключевые слова, оценочная лексика, идеологемы, метафоры), так и на уровне более сложных смысловых конструкций. На третьем этапе выделенные коды группировались в более крупные тематические категории, отражающие устойчивые способы интерпретации политической реальности. На данном этапе особое внимание уделялось повторяемости дискурсивных паттернов, их функциональной значимости и контексту употребления.

¹ Источник: Presidencia de la República Oriental del Uruguay. (n.d.). *Discursos del presidente*. Retrieved May 24, 2026, from <https://www.gub.uy/presidencia/tematica/discursos-presidente?page=0>

В настоящем исследовании идентификация политических нарративов в президентском дискурсе Яманду Орси осуществляется с опорой на нарративный подход К. Риссман (Riessman, 2008), в рамках которого нарратив рассматривается как форма интерпретативной организации социального опыта. В качестве критериев идентификации нарратива выделяются наличие временной и причинно-следственной последовательности, системы акторов и их ролевого распределения (государство, правительство, граждане, международное сообщество), выраженной оценочной доминанты, а также смысловой целостности и повторяемости дискурсивных паттернов. Особое внимание уделяется риторическим стратегиям, посредством которых в выступлениях Орси формируются и легитимируются нарративы стабильности, политической умеренности, институциональной устойчивости и «спокойной страны». Такой подход позволяет рассматривать президентский дискурс не как совокупность отдельных политических заявлений, а как систему взаимосвязанных интерпретаций, направленных на формирование определенного образа Уругвая как внутри страны, так и во внешнеполитическом контексте.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе исследования были выделены пять основных политических нарративов президентского дискурса Я. Орси: а) демократия осмысливается как фундамент существования государства, источник его стабильности и общественного согласия; б) плюрализм партий и мнений рассматривается как необходимый принцип демократического развития, обеспечивающий баланс интересов и защиту прав граждан; в) преемственность власти интерпретируется как гарантия стабильности и общественного благополучия; г) устойчивость экономической и социальной сфер трактуется как производная политической стабильности; д) мирное сосуществование внутри страны и за ее пределами представляется необходимым условием устойчивого развития. Анализ данных нарративов проводится в лингвоидеологическом ракурсе, предполагающем выявление не только их содержательного наполнения, но и конкретных языковых репрезентантов — прежде всего идеологем. Именно через них в президентском дискурсе закрепляются ценностные ориентиры, конструируется образ Уругвая как стабильного, демократического и социально ответственного государства, а также осуществляется воздействие на массовое сознание как внутри страны, так и за ее пределами.

Нарратив о демократии как фундаментальном принципе существования государства представляет собой ключевую тематическую ось публичного дискурса уругвайского президента Яманду Орси как внутри страны, так и за ее пределами. Его частотная воспроизводимость связана со стремлением утвердить демократические ценности в качестве основы национальной идентичности и политической культуры страны. С помощью данного нарратива, выраженного в первую очередь идеологемами *democracia* («демократия»), *republicanismo democrático* («демократический республиканизм»), *igualdad ante la ley* («равенство перед законом»), *igualdad de oportunidades* («равенство возможностей»), *institucionalidad democrática* («демократическая институциональность»), *solidez institucional y política* («институциональная и политическая устойчивость»), становится возможным укрепить доверие граждан к институтам власти, указать на устойчивость демократической традиции и обозначить ответственное отношение руководителя к мандату, полученному в результате свободного волеизъявления народа:

*El 1º de marzo de 1985 el país recobraba la **institucionalidad democrática** luego de trece años de dictadura cívico-militar. Atrás quedaba el período más doloroso de nuestra historia contemporánea, marcado por la persecución política y la crueldad humana como método de Gobierno, y por el saqueo económico como parte central de ese proyecto político (01.03.2025) (1 марта 1985 года страна восстановила **демократическую институциональность** после тринадцати лет гражданско-военной диктатуры. Позади остался самый болезненный период нашей новейшей истории, отмеченный политическими преследованиями и жестокостью, возведенной в метод государственного управления, а также экономическим разграблением, являвшимся центральной частью того политического проекта) (здесь и далее перевод наш);*

*La histórica **solidez institucional y política** ha permitido que Uruguay aún se destaque en la región por su alto nivel de desarrollo humano o sus políticas de distribución del ingreso (23.09.2025) (Исторически сложившаяся **институциональная и политическая устойчивость** позволяет Уругваю по-прежнему выделяться в регионе благодаря высокому уровню человеческого развития и политике распределения доходов);*

*Rendir cuentas de las obligaciones que mi gobierno asumió para que el Uruguay siga siendo lo que ha sido, es y será: **un faro del republicanismo democrático, de la seguridad jurídica y de la calidad institucional, de la democracia plena y del respeto por la ley, del desarrollo económico con inclusión social** en un mundo cada vez más radicalizado y extremista, porque estoy convencido de que rendir cuentas es el ejercicio máximo de la **democracia** (02.03.2026) (Отчитаться по обязательствам, которые взяло на себя мое правительство, чтобы Уругвай и впредь оставался тем, чем он был, остается и навсегда останется: **маяком демократического республиканизма, правовой определенности, институциональной состоятельности, полновесной демократии и верховенства закона, экономического развития с социальной инклюзией** в мире, который становится все более радикальным и экстремистским. Ибо я глубоко убежден: отчетность перед народом — это высшее проявление **демократии**);*

*Decidimos defender la **igualdad ante la ley** y promover la **igualdad de oportunidades** (18.04.2026) (Мы решили защищать **равенство перед законом** и продвигать **равенство возможностей**).*

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив о демократии в президентском дискурсе Яманду Орси формируется посредством устойчивого набора лингвистических и риторических механизмов: обращения к исторической памяти, аксиологической лексики, метафорических моделей, а также конструкций, подчеркивающих коллективную ответственность и институциональную преемственность. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 1.

Таблица 1. Нарратив о демократии как фундаментальном принципе существования государства

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>El 1º de marzo de 1985 el país recobraba la institucionalidad democrática luego de trece años de dictadura cívico-militar. Atrás quedaba el período más doloroso de nuestra historia contemporánea, marcado por la persecución política y la crueldad humana como método de Gobierno, y por el saqueo económico como parte central de ese proyecto político (01.03.2025).</i>	Темпоральная предикация; оценочная лексика («más doloroso», «crueldad»); историческая антитеза («dictadura / institucionalidad democrática»)	Конструирование демократии как ценностной противоположности авторитаризму; легитимация демократического порядка через коллективную память о диктатуре

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>La histórica solidez institucional y política ha permitido que Uruguay aún se destaque en la región por su alto nivel de desarrollo humano o sus políticas de distribución del ingreso (23.09.2025).</i>	Аксиологическая лексика («solidez institucional»); причинно-следственная предикация; сравнительная региональная репрезентация	Репрезентация институциональной устойчивости как основы социального развития и региональной исключительности Уругвая
<i>Rendir cuentas de las obligaciones que mi gobierno asumió para que el Uruguay siga siendo lo que ha sido, es y será: un faro del republicanismo democrático, de la seguridad jurídica y de la calidad institucional, de la democracia plena y del respeto por la ley, del desarrollo económico con inclusión social en un mundo cada vez más radicalizado y extremista, porque estoy convencido de que rendir cuentas es el ejercicio máximo de la democracia (02.03.2026).</i>	Пространственная метафора («faro»); перечислительная синтаксическая конструкция; темпоральная триада («ha sido, es y será»); эпистемическая модальность («estoy convencido»)	Конструирование образа Уругвая как демократического ориентира и институционально зрелого государства; легитимация принципа подотчетности власти
<i>Decidimos defender la igualdad ante la ley y promover la igualdad de oportunidades (18.04.2026).</i>	Инклюзивная предикативная конструкция; комиссивный речевой акт; параллелизм инфинитивных конструкций («defender / promover»)	Репрезентация демократических принципов как сознательного политического обязательства власти; конструирование образа коллективной ответственности

Таким образом, нарратив о демократическом развитии выполняет в дискурсе Яманду Орси системообразующую функцию, репрезентируя Уругвай как государство с устойчивыми институтами, прочной правовой традицией и социально ориентированной экономикой. Этот нарратив не ограничивается описанием существующего положения дел, а конструирует нормативную модель политического устройства, в рамках которой демократия осмысливается как исторически достигнутая и необратимая ценность.

Посредством обращения к исторической памяти (прежде всего к восстановлению демократии в 1985 году), идеологемам *democracia*, *igualdad ante la ley*, *igualdad de oportunidades* и метафоре «маяка демократического республиканизма» президент легитимирует власть, подчеркивает преемственность политического курса и конструирует образ Уругвая как устойчивого демократического государства. Данный образ выполняет как внутриполитическую, так и внешнеполитическую функцию: внутри страны он способствует укреплению коллективной идентичности и общественного согласия, а во внешнем дискурсе позиционирует Уругвай как надежного партнера, региональный ориентир демократической стабильности и социальной инклюзии. Тем самым усиливается легитимность президентского курса как на национальном, так и на транснациональном уровнях.

Нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти как неотъемлемых принципах демократического развития, выраженный через идеологемы *partidos políticos* («политические партии»), *ideologías* («идеологии»), *pluralismo* («плюрализм») и *alternancia en el poder* («сменяемость власти»), подчеркивает приверженность Уругвая демократическим ценностям и одновременно дистанцирует страну от негативного опыта ряда латиноамериканских государств, где попытки установления однопартийных режимов и подавления оппозиции приводили к авторитаризму, социальным конфликтам и экономической нестабильности.

Акцент на политическом многообразии и свободе выражения различных точек зрения отражает стремление к формированию устойчивой системы сдержек и противовесов, основанной на диалоге, институциональной конкуренции и уважении к правам человека. Подобная риторическая стратегия способствует укреплению доверия граждан к государственным институтам, расширяет пространство политического участия и легитимирует демократический порядок как условие стабильного и поступательного развития общества:

*Este es un país de **partidos políticos**, de **alternancia en el poder**, de **acuerdos**, un país en el que la confianza sigue siendo un elemento central para su funcionamiento. Por eso decimos que el Uruguay funciona (01.03.2025) (Это страна **политических партий**, **сменяемости власти** и **соглашений**, страна, в которой доверие по-прежнему остается ключевым условием ее функционирования. Именно поэтому мы говорим, что Уругвай функционирует).*

В выступлении перед парламентом, посвященном годовщине своего правления, Яманду Орси акцентирует внимание не на личных достижениях, а на сорокалетию непрерывного демократического развития. Трехчастный повтор («40 лет демократии — 40 лет мирной передачи власти — 40 лет институциональной стабильности») формирует градацию, в которой каждый последующий элемент усиливает предыдущий. Имплицитно противопоставляя Уругвай региональному контексту, президент репрезентирует страну как исключение из латиноамериканской политической нормы, а демократическую устойчивость — как ключевую национальную ценность. Лингвистически данный эффект достигается посредством синтаксического параллелизма и анафорического повтора конструкции «40 años», акцентирующих идею исторической непрерывности демократического процесса:

*Hace un año, asumí el gobierno de un país que celebraba **40 años ininterrumpidos de democracia**. **40 años de alternancia pacífica**. **40 años de institucionalidad estable** en una región donde no siempre fue la norma. Hoy esa estabilidad vale más que entonces (02.03.2026) (Год назад я возглавил правительство страны, которая праздновала **40 лет непрерывной демократии**. **40 лет мирной передачи власти**. **40 лет стабильных институтов в регионе**, где это далеко не всегда было нормой. Сегодня эта стабильность ценится дороже, чем когда-либо).*

В выступлении перед Генеральной Ассамблеей ООН Яманду Орси представляет смену власти не как кризисный или исключительный акт, а как естественную часть политической жизни. Через три взаимосвязанных тезиса — совместные визиты действующего президента и бывших лидеров от других партий, отсутствие институциональных кризисов при смене власти и восприятие смены власти как «акта абсолютной нормальности» — конструируется образ Уругвая как государства с устойчивой демократической культурой.

Подобное позиционирование выполняет функцию «мягкой силы»: имплицитно противопоставляя Уругвай странам с нестабильными политическими системами, президент формирует образ «предсказуемой демократии», повышающий международное доверие, инвестиционную привлекательность и дипломатический авторитет страны:

*Vengo de un país donde ya es práctica corriente que un presidente concurra a países vecinos acompañado por sus antecesores de otros **partidos políticos**. Un país donde la **alternancia de los partidos** en un gobierno no se traduce en una crisis de carácter institucional. Es más, esa **alternancia** se constituye en un acto de pura normalidad (23.09.2025) (Я приехал из страны, где уже стало обычным делом, когда президент едет в соседние страны вместе с бывшими главами государства от **других партий**. Из страны, где **смена** правящих партий не приводит к институциональному кризису. Более того, эта **смена** воспринимается как нечто совершенно естественное).*

Приведенные примеры демонстрируют, что данный нарратив формируется посредством устойчивого комплекса лингвистических и риторических механизмов: аксиологической лексики, синтаксического параллелизма, анафорического повтора, инклюзивной национальной репрезентации и стратегий противопоставления региональному контексту. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 2.

Таблица 2. Нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти как неотъемлемых принципах демократического развития

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>Este es un país de partidos políticos, de alternancia en el poder, de acuerdos, un país en el que la confianza sigue siendo un elemento central para su funcionamiento. Por eso decimos que el Uruguay funciona (01.03.2025).</i>	Перечислительная синтаксическая конструкция; аксиологическая лексика («confianza», «acuerdos»); репрезентативная предикация («Uruguay funciona»)	Конструирование образа Уругвая как пространства политического консенсуса и институциональной «нормальности»; легитимация плюрализма как основы устойчивости государства
<i>Hace un año, asumí el gobierno de un país que celebraba 40 años ininterrumpidos de democracia. 40 años de alternancia pacífica. 40 años de institucionalidad estable en una región donde no siempre fue la norma. Hoy esa estabilidad vale más que entonces (02.03.2026).</i>	Анафорический повтор темпоральной конструкции («40 años»); синтаксический параллелизм; сравнительная региональная репрезентация; аксиологическая предикация («vale más»)	Репрезентация демократической сменяемости власти как исторической нормы и признака институциональной зрелости; противопоставление Уругвая региональной нестабильности
<i>Vengo de un país donde ya es práctica corriente que un presidente concurra a países vecinos acompañado por sus antecesores de otros partidos políticos. Un país donde la alternancia de los partidos en un gobierno no se traduce en una crisis de carácter institucional. Es más, esa alternancia se constituye en un acto de pura normalidad (23.09.2025).</i>	Инклюзивная национальная репрезентация («vengo de un país»); отрицательная предикативная конструкция («no se traduce en una crisis»); оценочная номинация («acto de pura normalidad»)	Конструирование образа неконфронтационной политической культуры; нормализация сменяемости власти как естественного и институционально безопасного процесса

Таким образом, нарратив о плюрализме мнений и сменяемости власти в дискурсе Яманду Орси преобразует смену политических сил из потенциально конфликтного события в признак институциональной зрелости и демократической устойчивости государства. Демократия в данном случае репрезентируется не как хрупкое достижение, нуждающееся в постоянной защите, а как укорененная и самовоспроизводящаяся система, основанная на политическом консенсусе, доверии к институтам и признании легитимности идеологического многообразия.

Рутинность электорального процесса и «нормализация» смены власти приобретают значение символического капитала, который одновременно укрепляет внутреннюю легитимность власти и формирует позитивный международный образ Уругвая как «предсказуемой демократии». В результате данный нарратив конструирует представление об Уругвае как об «аномалии стабильности» в латиноамериканском регионе и закрепляет его статус государства с устойчивой демократической культурой и высокой институциональной надежностью.

Нарратив о преемственности власти как гарантии устойчивого развития и общественного благополучия подчеркивает предсказуемость политического курса, согласованность стратегических целей государства и непрерывность исторического развития страны. Одним из ключевых средств его реализации выступают речевые акты похвалы и признания заслуг предшественников.

Подобная риторика формирует образ политической преемственности, снижая потенциал конфронтации: власть воспринимается не как радикальный разрыв курса каждые пять лет, а как последовательная передача политической ответственности. Одновременно акцентируется идея коллективного характера государственного развития, являющегося результатом усилий различных политических сил, а не исключительно отдельного лидера. Признание вклада предшественников также выступает маркером культуры политического диалога, основанной на умеренности, институциональном уважении и стремлении к компромиссу — качествах, традиционно ассоциируемых с современным уругвайским обществом:

[...] llego también con las enseñanzas de los queridos Marcos Carámbula, Tabaré Vázquez y José Mujica (01.03.2025) ([...] я вступаю в должность, опираясь на наставления дорогих мне Маркоса Карамбулы, Табаре Васкеса и Хосе Мухики);

Es bueno reconocer que, desde el retorno a la democracia, cada gobierno democrático ha aportado lo suyo para afianzar las libertades y la democracia (06.04.2026) (Следует признать, что с момента возврата к демократии каждое демократическое правительство внесло свой вклад в укрепление свобод и демократических институтов).

В следующем фрагменте образ власти строится на противопоставлении устойчивости и политического спектакля. Яманду Орси акцентирует не эффективность власти, а ее способность обеспечивать непрерывность и порядок: «постоянство» противопоставляется «показным жестам», а реальные управленческие решения — риторике «магических» выходов из кризиса. В результате власть репрезентируется как рациональная и сдержанная сила, основанная не на харизме лидера, а на ясности политического курса, ответственности и поддержании общественной стабильности:

*No tengan dudas, mi compromiso es la **constancia**, no los gestos grandilocuentes. Mis decisiones son las que sostienen, no la que declaran soluciones mágicas, porque la verdadera fortaleza de un gobierno está en la **claridad** de su dirección y en la **responsabilidad** de cuidar este país tranquilo que tanto nos identifica (02.03.2026) (Не сомневайтесь: моя сила — в **последовательности**, а не в показных жестах. Я принимаю решения, которые действительно поддерживают страну, а не обещают чудесные и легкие решения. Потому что подлинная сила власти заключается в **ясности** курса и в **ответственности** за сохранение этой спокойной страны, которая так точно отражает нашу сущность).*

В приведенном ниже фрагменте нарратив о преемственности власти раскрывается через идею ценностного континуитета. Фраза «Мы никого не копируем — создаем свое» формирует образ уругвайской модели как самостоятельного пути развития, опирающегося на собственную политическую традицию. Преемственность при этом осмысливается не как сохранение статус-кво, а как последовательное продолжение национального проекта.

Особую символическую функцию выполняет метафора «маяка» в мире, который «распадается на части и ищет легких путей». Образ маяка становится метафорой институциональной устойчивости и противопоставляется «коротким путям» популизма и авторитарных решений. Триада «терпение, убежденность, инклюзивность» формирует нормативную модель политического развития: терпение связывается с долгосрочной стабильностью, убежденность — с верностью демократическим ценностям, а инклюзивность — с легитимностью политического курса. Тем самым преемственность власти интерпретируется как форма динамической устойчивости — способность государства обновляться, сохраняя институциональную непрерывность и демократические основания:

*No copiamos a nadie, **construimos algo propio**. Hoy, en un mundo que se fragmenta y busca atajos, Uruguay tiene la misma obligación de siempre, **ser el ejemplo de que las transformaciones profundas se construyen con paciencia, con convicción y con la gente adentro. Fuimos faro entonces, podemos serlo ahora (02.03.2026) (Мы никого не копируем – создаем свое. Сегодня, в мире, который распадается на части и ищет легких путей, у Уругвая остается прежняя обязанность — быть примером того, что глубокие преобразования совершаются терпеливо, убежденно и вместе с народом. Мы уже были маяком — можем стать им и сегодня).***

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив о преемственности власти в дискурсе Яманду Орси формируется посредством комплекса лингвистических и риторических механизмов: стратегий символической преемственности, аксиологической лексики, антитез, метафорических моделей и инклюзивной национальной репрезентации. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 3.

Таблица 3. Нарратив о преемственности власти как гарантии устойчивого развития и общественного благополучия

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>[...] llego también con las enseñanzas de los queridos Marcos Carámbula, Tabaré Vázquez y José Mujica (01.03.2025).</i>	Интертекстуальность; стратегия символической преемственности; положительно маркированная оценочная лексика («queridos»); перечислительная конструкция	Легитимация собственного политического курса через апелляцию к политическому наследию Frente Amplio; включение Орси в символическую цепь демократической преемственности
<i>Es bueno reconocer que, desde el retorno a la democracia, cada gobierno democrático ha aportado lo suyo para afianzar las libertades y la democracia (06.04.2026).</i>	Аксиологическая предикация («es bueno reconocer»); инклюзивная репрезентация политических акторов; темпоральная перспектива («desde el retorno a la democracia»); лексика институционального укрепления («afianzar»)	Репрезентация демократического развития как коллективного и надпартийного процесса; конструирование образа политического консенсуса и институциональной преемственности
<i>No tengan dudas, mi compromiso es la constancia, no los gestos grandilocuentes. Mis decisiones son las que sostienen, no la que declaran soluciones mágicas, porque la verdadera fortaleza de un gobierno está en la claridad de su dirección y en la responsabilidad de cuidar este país tranquilo que tanto nos identifica (02.03.2026).</i>	Антитеза («constancia / gestos grandilocuentes», «sostienen / soluciones mágicas»); комиссивная конструкция («mi compromiso»); оценочная предикация; аксиологическая лексика («responsabilidad», «fortaleza»)	Формирование образа последовательной, ответственной и антипопулистской власти; легитимация постепенной и институционально ориентированной модели управления
<i>No copiamos a nadie, construimos algo propio. Hoy, en un mundo que se fragmenta y busca atajos, Uruguay tiene la misma obligación de siempre, ser el ejemplo de que las transformaciones profundas se construyen con paciencia, con convicción y con la gente adentro. Fuimos faro entonces, podemos serlo ahora (02.03.2026).</i>	Антитеза («copiamos / construimos»); доместическая метафора строительства; деонтическая модальность («tiene la misma obligación»); пространственная метафора («faro»); инклюзивная предикация	Конструирование образа Уругвая как самостоятельного, устойчивого и нормативно ориентированного государства; легитимация постепенных реформ и модели коллективного развития, противопоставленной популистским «быстрым решениям»

Таким образом, нарратив о преемственности власти выполняет в президентском дискурсе Орси легитимирующую и стабилизирующую функции, представляя политическое развитие Уругвая как непрерывный и коллективный процесс. Преемственность осмысливается не как механическое сохранение существующего порядка, а как форма динамической устойчивости, при которой обновление политического курса не разрушает институциональные основания государства. Посредством апелляции к заслугам предшественников, образам последовательности, умеренности и «спокойной страны», а также метафоре Уругвая как «маяка» формируется модель власти, основанная на ответственности, диалоге и долговременной стратегической ориентации. В результате Уругвай репрезентируется как государство с высокой институциональной культурой, где смена лидеров не означает отказа от базовых демократических ценностей и национального проекта развития.

Нарратив об устойчивости социально-экономического развития как производной политической стабильности направлен на укрепление легитимности власти в рамках демократического строя и поддержание общественного консенсуса. В его рамках экономическая устойчивость и социальное благополучие репрезентируются как ключевые показатели эффективности государственного управления и важнейшие элементы национальной политической идентичности.

Обращение к категории стабильности выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно служит средством институциональной самопрезентации власти как гаранта предсказуемости и рациональности политических решений; с другой — выступает механизмом символического конструирования доверия между государством и обществом. При этом стабильность осмысливается не как пассивное состояние, а как активная стратегия поступательного развития и, более того, как своеобразное «знамя» (*bandera*):

*Somos un país de reglas claras, un país de convivencia, un país que entiende que la **estabilidad** no es inmovilidad, sino la plataforma para transformar, porque en un mundo inestable la estabilidad es una activa estrategia y en un mundo desigual, la justicia social es una obligación moral (02.03.2026) (Мы — страна с прозрачными правилами, страна согласия, страна, осознающая, что **стабильность** — это не оцепенение, а платформа для преобразований. Ибо в нестабильном мире стабильность выступает активной стратегией, а в мире неравенства социальная справедливость является моральным долгом);*

*Un país para crecer es un país que cuida su convivencia, que no improvisa ni cambia de dirección según el ruido del momento, que entiende que la **estabilidad** es un valor y que hace de ese atributo una bandera (02.03.2026) (Страна для роста — это страна, которая бережет мирное сосуществование, не импровизирует и не меняет курс под влиянием сиюминутного шума, знает цену **стабильности** и превращает это качество в свое знамя).*

В условиях глобальной нестабильности способность государства обеспечивать устойчивость и предсказуемость «правил игры» становится важным конкурентным преимуществом. В этом контексте отказ от краткосрочных популистских мер репрезентируется как осознанный стратегический выбор, направленный на сохранение доверия к институтам. Подчеркивается, что устойчивое развитие возможно лишь при опоре социальной политики на прочный экономический фундамент. Тем самым макроэкономические принципы выводятся за пределы технократического регулирования и превращаются в значимый элемент политической идентичности современного Уругвая:

*Podremos discrepar en los instrumentos para lograr un mayor y mejor reparto de los frutos del trabajo nacional... pero no vamos a ignorar las reglas del funcionamiento de la economía que Uruguay **mantiene desde su reinstauración democrática** (01.03.2025) (Мы можем иметь разные взгляды на инструменты, позволяющие добиться более справедливого и эффективного распределения результатов национального труда... но мы никогда не будем пренебрегать основополагающими правилами функционирования экономики, которые Уругвай **сохраняет с момента восстановления демократии**).*

Приведенные примеры демонстрируют, что нарратив об устойчивости социально-экономического развития в дискурсе Яманду Орси формируется посредством комплекса лингвистических и риторических механизмов: анафорического повтора, антитезы, метафор, аксиологической лексики, отрицательных предикативных конструкций и др. Данные механизмы и соответствующие им дискурсивные функции систематизированы в Таблице 4.

Таблица 4. Нарратив об устойчивости социально-экономического развития как производной политической стабильности

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>Somos un país de reglas claras, un país de convivencia, un país que entiende que la estabilidad no es inmovilidad, sino la plataforma para transformar, porque en un mundo inestable la estabilidad es una activa estrategia y en un mundo desigual, la justicia social es una obligación moral (02.03.2026).</i>	Анафорический повтор конструкции «un país»; антитеза («estabilidad / inmovilidad»); метафора платформы; деонтическая предикация («obligación moral»); аксиологическая лексика («convivencia», «justicia social»)	Конструирование образа Уругвая как социально ответственного и институционально устойчивого государства; легитимация стабильности как активной стратегии развития и морально обоснованной модели управления
<i>Un país para crecer es un país que cuida su convivencia, que no improvisa ni cambia de dirección según el ruido del momento, que entiende que la estabilidad es un valor y que hace de ese atributo una bandera (02.03.2026).</i>	Дефиниционная предикация («un país para crecer es...»); отрицательные предикативные конструкции («no improvisa», «no cambia»); аксиологическая лексика («estabilidad», «convivencia»); метафора символического знамени («una bandera»)	Репрезентация стабильности и социальной согласованности как ключевых условий развития; противопоставление институциональной последовательности ситуативной и популистской политике
<i>Podremos discrepar en los instrumentos para lograr un mayor y mejor reparto de los frutos del trabajo nacional... pero no vamos a ignorar las reglas del funcionamiento de la economía que Uruguay mantiene desde su reinstauración democrática (01.03.2025).</i>	Концессивная конструкция («podremos discrepar... pero»); инклюзивная предикация; деонтическая импликация нормативности; темпоральная перспектива («desde su reinstauración democrática»)	Легитимация экономической преемственности и институциональной предсказуемости; конструирование образа демократического консенсуса при сохранении базовых правил экономического порядка

Таким образом, нарратив устойчивости социально-экономического развития в современном политическом дискурсе Уругвая выполняет не только прагматическую, но и символично-идентификационную функцию. Стабильность репрезентируется как ключевое условие демократической легитимности, общественного согласия и долгосрочного развития государства. При этом она интерпретируется не как консервация существующего порядка, а как активный ресурс преобразований, обеспечивающий способность общества адаптироваться к глобальной нестабильности без утраты институциональной преемственности.

Через акцент на предсказуемости, уважении к «правилам игры» и отказе от ситуативного популизма власть формирует образ государства как рационального и ответственного актора, способного сочетать экономическую эффективность с социальной справедливостью. В результате макроэкономическая устойчивость приобретает статус не только инструмента управления, но и важного элемента национальной политической идентичности, связывающего демократическую традицию, доверие к институтам и представление о будущем страны.

Нарратив о мирном сосуществовании внутри Уругвая и за его пределами как необходимом условии устойчивого развития выступает важной составляющей в создании образа миролюбивой страны, с помощью которого не только формируется национальная идентичность, основанная на принципах толерантности, взаимоуважения и социального согласия, но и укрепляются дипломатические позиции государства на международной арене. Поддержание этого образа (через идеологемы *paz, tierra fraterna y hospitalaria, un país tranquilo*) способствует росту доверия со стороны партнеров, повышению международного авторитета и привлечению внимания к Уругваю как к стабильному, демократическому и предсказуемому актору в регионе:

*[...] Uruguay es reconocido en el mundo por su **vocación de paz**, por su incansable brega en pos de la **solución pacífica de los conflictos** y por ser una **tierra fraterna y hospitalaria** con migrantes de todas las latitudes (01.03.2025) ([...] Уругвай признан во всем мире за свою неизменную **приверженность миру**, за неустанные усилия по **мирному разрешению конфликтов** и за то, что он остается **братской и гостеприимной землей** для мигрантов со всех уголков планеты).*

В приведенном ниже примере домашняя метафора (*estamos construyendo*) подчеркивает процессуальный, коллективный и повседневный характер политических преобразований, противопоставляя созидательную модель деструктивным формам радикальных реформ. «Строительство» Уругвая разворачивается в двух временных плоскостях — настоящее как опора и будущее как цель — что позволяет избежать как утопизма, так и застоя. Аксиологический компонент метафоры («никто не остался за бортом») вводит моральное обязательство власти перед всеми социальными группами. Сочетание глаголов *hacer crecer* («приумножать») и *cuidar* («беречь») задает модель «ответственного развития», в которой динамика не противоречит сохранению национальной идентичности:

Ese es el Uruguay que estamos construyendo con los pies en la tierra y con la mirada al futuro, con la convicción de que gobernar es todos los días hacer crecer y cuidar lo que somos sin que nadie quede atrás (02.03.2026) (Именно такой Уругвай мы строим – твёрдо стоя на земле и устремляя взгляд в будущее, с убеждением, что управлять страной означает ежедневно развивать и беречь всё то, что составляет нашу сущность, не оставляя никого позади).

Образ Уругвая как безопасной страны занимает важное место в дискурсе Яманду Орси и выступает инструментом укрепления международного престижа. В условиях глобальной нестабильности и роста насилия в Латинской Америке возможность президента свободно взаимодействовать с гражданами без охраны символизирует не только отсутствие угроз, но и высокий уровень доверия между властью и обществом, зрелость политической культуры и легитимность институтов.

Цитата Орси перед Генеральной Ассамблеей ООН конструирует образ «горизонтальной» власти, близкой к народу, и подчеркивает культуру диалога и ненасилия. Апелляция к повседневным ситуациям (прогулка, футбольный матч) формирует риторику «нормальности», противопоставленную популистской политике исключительности и конфликта. Для внешней аудитории такой образ становится инструментом «мягкой силы», представляя Уругвай как «моральный образец» стабильной демократии, тогда как для внутренней — символом преемственности демократической традиции, альтернативной каудильистской модели:

Vengo de un país cuyo presidente puede caminar sin custodia entre la gente, puede disfrutar de un partido de fútbol en una tribuna como un hincha más (23.09.2025) (Я представляю страну, где президент может передвигаться без охраны среди граждан, может смотреть футбольный матч на трибуне как обычный болельщик).

Если метафора строительства ориентирована прежде всего на внутреннюю аудиторию и акцентирует идею повседневного коллективного труда, то образ президента без охраны адресован внешнему миру как наглядное подтверждение устойчивости этой модели: «здание» уругвайской демократии представляется настолько прочным и надежным, что глава государства может выйти из него без шлема и бронежилета.

Отдельного внимания заслуживает идеологема *raz* («мир»), занимающая центральное место в ценностной системе президентского дискурса Яманду Орси. Данная идеологема отражает официальную позицию главы государства и одновременно выступает инструментом конструирования национальной идентичности. При этом она не сводится к декларативному лозунгу, а разворачивается в сложную концептуальную сеть, включающую несколько взаимосвязанных смысловых уровней.

В приведенной ниже цитате из выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН Орси вводит принципиально важное уточнение: мирное сосуществование начинается внутри

самого государства — с практики диалога между различными политическими силами. Оборот *soluciones a la uruguaya* («решения по-уругвайски») представляет собой культурно маркированную формулу, отсылающую к национальному стилю политического поведения, основанному на компромиссе, постепенности и отказе от конфронтационной модели взаимодействия:

*Vengo de un país cuyos partidos políticos –casi todos ellos con más de medio siglo de historia– siempre están dispuestos a acordar soluciones nacionales a urgencias también nacionales. Soluciones a la uruguaya, como decimos con orgullo. Con estos gestos, quiero expresar que Uruguay lleva en su vida cotidiana una **vocación profunda de paz y respeto** (23.09.2025) (Я представляю страну, политические партии которой — почти все они насчитывают более полувека истории — всегда готовы согласовывать решения для национальных вызовов. Решения по-уругвайски, как мы с гордостью говорим. Этими жестами я хочу показать, что в своей повседневной жизни Уругвай несет глубокую **приверженность миру и уважению**).*

Миролюбие Уругвая представляет собой не конъюнктурное заявление действующей администрации, а устойчивую внешнеполитическую доктрину, последовательно реализуемую государством с 1948 года. Апелляция к этой исторической преемственности позволяет репрезентировать миролюбие как неотъемлемый элемент национальной идентичности и важную составляющую международного имиджа страны:

*Desde 1948 Uruguay ha mantenido una posición coherente y firme que va en línea con los principios de autodeterminación y **coexistencia pacífica** (23.09.2025) (С 1948 года Уругвай придерживается последовательной и твердой позиции, основанной на принципах самоопределения и **мирного сосуществования**).*

Нижеприведенный фрагмент расширяет семантическое поле идеологемы *paz*, выводя ее за пределы исключительно военно-политической сферы. В интерпретации Яманду Орси мир предстает как комплексное понятие, включающее поддержание международного мира и безопасности (*mantenimiento de la paz y la seguridad internacionales*), развитие международного права (*desarrollo del derecho internacional*), поддержку разоружения (*apoyo al desarme*), а также социально-экономические и экологические аспекты — продовольственную безопасность (*seguridad alimentaria*), глобальное здравоохранение (*salud global*) и борьбу с изменением климата (*compromiso con el cambio climático*). Тем самым Уругвай позиционируется не как государство, ограничивающееся традиционной ролью «миротворца», а как ответственный актор глобального управления, вовлеченный в решение широкого круга общемировых проблем. Подобная репрезентация существенно усиливает международный авторитет страны, формируя образ государства, чья внешняя политика основывается не только на принципе невмешательства, но и на активной приверженности глобальной стабильности и международной солидарности:

*Todo el sistema político de mi país se enorgullece de contribuir decisivamente en tareas globales, como el mantenimiento de la **paz** y la **seguridad** internacionales, la consolidación y el desarrollo del derecho internacional mediante la participación en ámbitos de elaboración normativa y cortes internacionales, el apoyo al desarme, la seguridad alimentaria, la salud global y el compromiso con el cambio climático (23.09.2025) (Вся политическая система моей страны гордится тем, что вносит значительный вклад в решение глобальных задач, таких как поддержание международного **мира и безопасности**, укрепление и развитие международного права посредством участия в нормотворческих процессах и международных судах,*

поддержка разоружения, обеспечение продовольственной безопасности, глобального здравоохранения, а также борьба с изменением климата).

Заявление о готовности Уругвая выступать в роли «площадки для переговоров» (*anfitrión de negociaciones*) выводит данный нарратив на новый уровень: страна предлагает себя международному сообществу не просто как участника миротворческих процессов, а как их организатора и координатора. Тем самым Уругвай претендует на роль посредника, способного обеспечивать пространство для конструктивного диалога и предотвращения конфликтов. Особую значимость этой риторике придает обращение Яманду Орси к авторитету Хосе Мухики, утверждавшего, что «толерантность является основой мирного сосуществования». Подобная интертекстуальная отсылка обеспечивает символическую преемственность между различными президентскими сроками и вписывает Орси в устойчивую традицию уругвайской политической мысли, основанную на ценностях диалога, терпимости и мирного разрешения противоречий:

*Uruguay está en condiciones inmejorables de ofrecerse al mundo como un **anfitrión de negociaciones**, como **promotor de redes de diálogo y mediación**, que conduzcan a la construcción de la **paz** y prevención de conflictos. Créanme que estamos preparados para este reto cada vez más urgente, para este reto cada vez más necesario. Entre otras razones, porque aprendimos, como dijo el presidente de mi país José Mujica, que la tolerancia es el fundamento para poder **vivir en paz** (23.09.2025) (Уругвай находится в исключительно благоприятных условиях, чтобы предложить себя миру в качестве **площадки для переговоров**, а также **инициатора диалога и посредничества**, способствующих построению мира и предотвращению конфликтов. Поверьте, мы готовы к этому вызову, который становится все более насущным и все более необходимым. В том числе потому, что мы усвоили, как говорил президент моей страны Хосе Мухика, что толерантность является основой **мирного сосуществования**);*

*[...] somos un país muy confiable en la promoción del **diálogo** y la **paz** (23.09.2025) ([...] мы являемся страной, пользующейся высоким доверием в деле продвижения **диалога и мира**).*

В интерпретации Яманду Орси мир понимается не только как отсутствие войны, но и как наличие справедливости. Эта формула выступает не просто риторическим украшением, а отражает важный семантический сдвиг: мир трактуется не как пассивное состояние «не-войны», а как результат существования справедливого социального и международного порядка. Тем самым понятие *paz* выходит за рамки военно-политической проблематики и связывается с вопросами равенства, соблюдения прав, социальной инклюзии и международной ответственности. Подобная интерпретация позволяет Орси представить Уругвай не только как государство, избегающее конфликтов, но и как страну, ориентированную на продвижение более справедливой модели международных отношений:

*A la vez que promovemos porfiadamente el diálogo entre países distintos, con gobiernos y cultura distintos, entendiendo que la interdependencia y el multilateralismo son el único camino para evitar el desastre. Entendiendo siempre que **la paz no es solo la ausencia de guerra. Es también presencia de justicia** (18.04.2026) (Одновременно мы настойчиво выступаем за диалог между государствами — независимо от различий в политических системах и культурах, — исходя из понимания того, что взаимозависимость и многостороннее сотрудничество являются единственным способом предотвратить катастрофу. При этом мы неизменно придерживаемся убеждения, что мир — это не только отсутствие войны, но и наличие справедливости).*

Таким образом, мирное сосуществование репрезентируется не только как внутренняя характеристика уругвайского общества, но и как ключевой элемент внешнеполитической

идентичности страны. Через аксиологическую лексику, инклюзивные конструкции, метафорику диалога и повседневную репрезентацию власти формируется образ Уругвая как пространства доверия, предсказуемости и политической зрелости. Систематизация указанных дискурсивных механизмов представлена в Таблице 5.

Таблица 5. *Нарратив о мирном сосуществовании внутри Уругвая и за его пределами как необходимом условии устойчивого развития*

Пример	Лингвистические механизмы	Дискурсивная функция
<i>[...] Uruguay es reconocido en el mundo por su vocación de paz, por su incansable brega en pos de la solución pacífica de los conflictos y por ser una tierra fraterna y hospitalaria con migrantes de todas las latitudes (01.03.2025).</i>	Аксиологическая лексика («paz», «fraterna», «hospitalaria»); перечислительная конструкция; пассивная репрезентация международного признания («es reconocido»)	Формирование внешнеполитического образа Уругвая как миролюбивого, открытого и морально авторитетного государства
<i>Ese es el Uruguay que estamos construyendo con los pies en la tierra y con la mirada al futuro, con la convicción de que gobernar es todos los días hacer crecer y cuidar lo que somos sin que nadie quede atrás (02.03.2026).</i>	Доместическая метафора строительства; процессуальная предикация («estamos construyendo»); пространственные метафоры («pies en la tierra», «mirada al futuro»); инклюзивная предикация	Репрезентация государственного развития как коллективного, постепенного и инклюзивного процесса; конструирование образа социально ответственного государства
<i>Vengo de un país cuyo presidente puede caminar sin custodia entre la gente, puede disfrutar de un partido de fútbol en una tribuna como un hincha más (23.09.2025).</i>	Повседневная репрезентация власти; повтор модальной конструкции («puede»); стратегия деиерархизации политического лидера	Конструирование «горизонтальной» модели власти и образа безопасного общества с низкой социальной дистанцией между государством и гражданами
<i>Vengo de un país cuyos partidos políticos –casi todos ellos con más de medio siglo de historia– siempre están dispuestos a acordar soluciones nacionales a urgencias también nacionales. Soluciones a la uruguaya, como decimos con orgullo. Con estos gestos, quiero expresar que Uruguay lleva en su vida cotidiana una vocación profunda de paz y respeto (23.09.2025).</i>	Инклюзивная национальная репрезентация; аксиологическая лексика («paz», «respeto»); метадискурсивная конструкция («como decimos con orgullo»); повтор лексемы «nacionales»	Репрезентация межпартийного консенсуса как элемента национальной идентичности; легитимация модели политического диалога и социальной согласованности
<i>Desde 1948 Uruguay ha mantenido una posición coherente y firme que va en línea con los principios de autodeterminación y coexistencia pacífica (23.09.2025).</i>	Темпоральная перспектива; аксиологическая лексика («coherente», «firme»); лексика международно-правового дискурса	Репрезентация миролюбия как устойчивой исторической и внешнеполитической традиции Уругвая
<i>Todo el sistema político de mi país se enorgullece de contribuir decisivamente en tareas globales, como el mantenimiento de la paz y la seguridad internacionales, la consolidación y el desarrollo del derecho internacional mediante la participación en ámbitos de elaboración normativa y cortes internacionales, el apoyo al desarme, la seguridad alimentaria, la salud global y el compromiso con el cambio climático (23.09.2025).</i>	Инклюзивная репрезентация политической системы; аксиологическая предикация («se enorgullece»); перечислительная конструкция глобальных задач	Конструирование образа Уругвая как ответственного участника международного сообщества и носителя универалистских ценностей
<i>Uruguay está en condiciones inmejorables de ofrecerse al mundo como un anfitrión de negociaciones, como promotor de redes de diálogo y mediación, que conduzcan a la construcción de la paz y prevención de conflictos. Créanme que estamos preparados para este reto cada vez más urgente, para este reto cada vez más necesario. Entre otras razones, porque aprendimos, como dijo el presidente de mi país José Mujica, que la tolerancia es el fundamento para poder vivir en paz (23.09.2025).</i>	Пространственная и инфраструктурная метафорика («redes de diálogo»); дипломатическая лексика; метафора строительства мира («construcción de la paz»); интертекстуальная ссылка на Хосе Мухику	Репрезентация Уругвая как посредника и площадки международного диалога; легитимация внешнеполитической роли страны через ценности толерантности и медиации
<i>[...] somos un país muy confiable en la promoción del diálogo y la paz (23.09.2025).</i>	Аксиологическая лексика («confiable»); инклюзивная предикация («somos»); лексика дипломатического взаимодействия	Формирование образа Уругвая как надежного и предсказуемого международного партнера
<i>A la vez que promovemos porfiadamente el diálogo entre países distintos, con gobiernos y cultura distintos, entendiendo que la interdependencia y el multilateralismo son el único camino para evitar el desastre. Entendiendo siempre que la paz no es solo la ausencia de guerra. Es también presencia de justicia (18.04.2026).</i>	Повтор герундиальной конструкции («entendiendo»); деонтическая импликация; дефиниционная предикация; бинарная антитеза («ausencia / presencia»); аксиологическая переинтерпретация концепта paz	Конструирование мира как позитивной политической ценности, основанной на диалоге, справедливости и международном сотрудничестве; легитимация мультилатерализма как нормативной модели мировой политики

Нарратив мирного сосуществования выполняет одновременно внутреннюю и внешнеполитическую функции, взаимно усиливающие друг друга. Для внутренней аудитории концепт *raz* («мир») участвует в конструировании национальной идентичности, основанной на толерантности, диалоге и межпартийном консенсусе. Символическими элементами этого образа становятся президент без охраны, футбольный матч как пространство единства и апелляция к традиции «уругвайских решений». Мир при этом интерпретируется не как абстрактный идеал, а как повседневная практика согласования интересов.

Для внешней аудитории риторика мира формирует образ Уругвая как надежного и ответственного международного актора — участника миротворческих миссий ООН, сторонника международного права, мультилатерализма и дипломатической медиации. Мировлюбие репрезентируется не как пассивный нейтралитет, а как активная форма международного участия.

Особенностью данного нарратива становится расширение понятия мира: горизонтально — за счет включения экологических, продовольственных и здравоохранительных вопросов, и вертикально — через трактовку мира не только как отсутствия войны, но и «наличия справедливости». Это позволяет связать внешнеполитическую идентичность Уругвая с внутренними ценностями социальной справедливости и представить социально ориентированную модель развития как вклад в поддержание глобального мира.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что публичный дискурс Орси представляет собой системное, ценностно ориентированное и риторически выверенное целое, направленное на конструирование образа Уругвая как государства с уникальной демократической традицией, высокой институциональной устойчивостью и выраженной социальной ориентацией.

К национально-специфическим особенностям дискурса Орси можно отнести следующие черты.

Риторическая стратегия «нормальности» как национального бренда. В отличие от популистской риторики многих латиноамериканских лидеров, основанной на конфронтации, поиске «врагов» и культе харизматического лидерства, Орси последовательно апеллирует к категориям обыденности, предсказуемости и «спокойной работы». В результате именно отсутствие политических эксцессов и институциональных кризисов превращается в ключевое конкурентное преимущество страны и основу ее позитивного международного имиджа.

Коллективный авторитет и модель «диффузного лидерства». Орси систематически избегает самовозвеличивания, характерного для классического латиноамериканского каудильизма. Президент регулярно обращается к фигурам своих предшественников, связывая достижения страны с коллективными усилиями и межпартийным консенсусом. Подобная стратегия формирует образ «президента-координатора», а не «президента-спасителя», что принципиально отличает его риторику от дискурсивных практик других латиноамериканских лидеров (в частности, от Х. Милея или Н. Букеле) и отражает традиции коллегиальности и умеренности, характерные для уругвайской политической культуры.

Антитеза «Уругвай — радикализирующийся мир». Одной из ключевых риторических доминант становится противопоставление стабильной, демократической и инклюзивной модели Уругвая внешнему миру, который описывается как все более радикализирующийся, фрагментированный и склонный к поиску «коротких путей». Данная бинарная оппозиция позволяет превратить относительную политическую «скромность» Уругвая (*un país tranquilo*) в источник морального и институционального превосходства, а самоограничение — отказ

от популизма, уважение к политическим оппонентам и приверженность институциональным правилам — представить как сознательную и стратегически выверенную модель политического поведения.

Метафора «маяка» как национальный концепт. Метафора Уругвая как «маяка демократического республиканизма» выполняет одновременно консолидирующую и внешнеполитическую функции. Она не только легитимирует особый путь страны, но и наделяет ее своеобразной моральной миссией — служить ориентиром в условиях региональной и глобальной нестабильности. Тем самым образ «маяка» превращается в важнейший элемент национального самоописания и символической репрезентации государства на международной арене.

«Уругвайские решения» как культурно маркированная формула. Использование данного выражения выступает значимым лингвокультурологическим маркером, отсылающим к национальному стилю ведения политики — через диалог, компромисс, постепенность и отказ от внешних «рецептов». Формула «Мы никого не копируем — создаем свое» противопоставляет уругвайскую модель как популистским экспериментам, так и жестким неолиберальным догмам, позиционируя ее как самостоятельный и самобытный путь развития.

Таким образом, дискурс Яманду Орси представляет собой не совокупность разрозненных политических заявлений, а целостную нарративную систему, в рамках которой образ страны конструируется посредством последовательной репрезентации демократической идентичности, институциональной устойчивости и социальной инклюзии. Национальная специфика данного дискурса проявляется в риторике «нормальности», модели коллективного лидерства и идее цивилизационной миссии Уругвая как своеобразного «маяка» в политически нестабильном регионе. Акцент Орси на международном сотрудничестве может рассматриваться как проявление взвешенного и системного подхода к внешней политике, ориентированного на диалог, открытость и укрепление международных связей в условиях усложняющейся мировой политической архитектуры.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риторика Яманду Орси характеризуется сдержанностью, ориентацией на диалог и вовлечение граждан в процесс управления. В этом отношении она в определенной степени сближается с дискурсом президентов Чили, где акцентируются институциональная преемственность и безболезненная сменяемость власти, и одновременно контрастирует с риторикой соседней Аргентины, в которой для Х. Милея характерны стратегии отрицания прошлого и поиска «врагов» (Заалишвили, 2026), однако данное сопоставление требует отдельного исследования.

Анализ публичных выступлений Орси позволил выделить пять ключевых политических нарративов: демократия как основа государства; плюрализм и сменяемость власти как условие развития; преемственность власти как гарантия стабильности; социально-экономическая устойчивость как производная политической стабильности; мирное сосуществование как условие устойчивого развития. В совокупности они формируют образ Уругвая как стабильного, предсказуемого и социально ответственного государства, ориентированного на диалог и международное сотрудничество.

Особое значение приобретает нарратив преемственности власти, выступающий механизмом легитимации политического курса, укрепления социальной сплоченности и институциональной устойчивости. Через него транслируется идея о том, что развитие Уругвая возможно лишь при сохранении демократической традиции, уважении к историческому опыту и ответственности перед будущими поколениями.

Значимым элементом дискурса Орси становится образ президента без охраны, символизирующий низкую социальную дистанцию между властью и обществом. Этот прием конструирует «горизонтальную» модель власти, противопоставляя Уругвай странам региона, где политическое насилие и отчуждение остаются нормой. Одновременно он функционирует как инструмент «мягкой силы», формируя образ безопасного, зрелого и предсказуемого государства.

Нарратив мирного сосуществования в дискурсе Орси выходит за пределы декларативного миролюбия и превращается в многоуровневую систему ценностей и идентичностей. Во внутреннем измерении он опирается на идеи толерантности, диалога и межпартийного консенсуса, а также на образ президента-«координатора», а не каудильо. Важную роль играет domestическая метафора строительства, подчеркивающая коллективный и постепенный характер преобразований. Во внешнеполитическом измерении Уругвай репрезентируется как надежный и ответственный международный актор — сторонник мультилатерализма, международного права и дипломатической медиации. Идеологема раз интерпретируется многослойно: как межпартийный консенсус, историческая доктрина, международное обязательство, инфраструктура диалога и, наконец, как наличие справедливости.

Проведенное исследование позволило ответить на поставленные исследовательские вопросы. Во-первых, образ Уругвая как «латиноамериканской Швейцарии» конструируется через взаимосвязанные нарративы стабильности, преемственности и мирного сосуществования, объединенные ценностями предсказуемости, общественного согласия и отказа от конфронтационной политики. Во-вторых, дискурс Орси демонстрирует различие стратегий репрезентации в зависимости от аудитории: для внутренней — коллективное созидание и социальная ответственность, для внешней — миролюбие, институциональная зрелость и политическая предсказуемость. В-третьих, данные нарративы реализуются посредством комплекса лексико-семантических, прагматических и риторических средств: аксиологической лексики (*estabilidad, paz, convivencia, diálogo*), комиссивных конструкций, моделей коллективного действия, domestических и пространственных метафор, а также интертекстуальных отсылок к политическому наследию.

Таким образом, нарративы демократической устойчивости, преемственности власти, социально-экономической стабильности и мирного сосуществования поддерживаются не только на содержательном, но и на языковом уровне. Система повторяющихся лексико-семантических и риторических стратегий обеспечивает легитимацию политического курса и формирует образ Уругвая как пространства институциональной стабильности, общественного согласия и демократической преемственности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безродная А. Ю. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 138–145.
2. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22. № 1. С. 120–131. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131>
3. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2022. Т. 22. № 5. С. 51–59. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V204>
4. Заалишвили И. В. Метафорическое моделирование образа врага в президентском дискурсе Хавьера Милея // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2026. Вып. 1 (243). С. 43–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2026-1-43-51>
5. Заалишвили И. В. Политические нарративы в рождественских обращениях испанского монарха Филиппа VI // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2025. № 218. С. 342–351.
6. Ларионова М. В. Латиноамериканский цивилизационный дискурс: топонимы как паттерны культурной идентичности // Язык и культура. 2024. № 67. С. 32–57.
7. Ларионова М. В. Свой среди чужих, чужой среди своих: о латиноамериканской идентичности сквозь призму этнонимов latinoamericano/latin, hispanic // Ибероамериканские тетради. 2025. Т. 13. № 3. С. 39–63. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2025-13-3-39-63>
8. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
9. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 105–117. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>
10. Островская Т. А., Хачмафова З. Р. Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации? // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107). С. 34–41.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
12. Селиванова И. В. «Латиноамериканская Швейцария» // Латинская Америка. 2022. № 1. С. 101–109. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0018057-1>
13. Скрынникова И. В., Генералова Л. М. Образные нарративы в политической блогосфере: лингвокогнитивный аспект // ДИСКУРС. 2024. Т. 10. № 4. С. 121–133. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-121-133>
14. Соловьев А. И. Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. 2025а. № 1. С. 69–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
15. Соловьев А. И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. 2025b. № 2. С. 18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>

16. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 16–35. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
17. Ульданов А. А. Политические нарративы в парламентских дебатах: подходы к анализу нарративных элементов, функций и стратегий // Политическая наука. 2024. № 3. С. 66–86. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>
18. Филаткина Г. С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999–2012) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1. С. 14–29.
19. Хейфец В. Л., Коновалова К. А. Латиноамериканская интеграция на фоне «правого поворота»: между иррелевантностью и поиском новых смыслов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 3. С. 447–463. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463>
20. Чеснокова О. С., Котеняткина И. Б., Гишкаева Л. Н. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадигмальная сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 976–993. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>
21. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
22. Charteris-Black J. Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011.
23. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. London: Longman, 1995.
24. Grassetti J. El discurso político de Nayib Bukele en Twitter // Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación. 2020. No. 112. P. 205–224. <https://doi.org/10.18682/cdc.vi112.4102>
25. Riessman C. K. Narrative methods for the human sciences. Los Angeles: Sage, 2008.
26. Slimovich A. Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter // Signo y Pensamiento. 2016. Vol. 35 (68). P. 86–100. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa>
27. van Dijk T. A. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
28. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

REFERENCES

1. Bezrodnaya, A.Yu. (2013). Razlichie ponyatiy «kontsept» i «ideologema» [On differences between the notions “concept” and “ideologeme”]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]*, 3(24), 138–145. (in Russian)
2. Bocharov, E.V. (2024). Strategija samoreprezentacii i rechevye taktiki v politicheskom diskurse (na materiale publichnyh vystuplenij politikov Latinskoj Ameriki v OON) [Self-presentation strategy and speech tactics in political discourse (based on the public speeches of Latin American politicians at the UN)]. *Vestnik NGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural*

- Communication*], 22(1), 120–131 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131>
3. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
 4. Charteris-Black, J. (2011). *Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor* (2nd ed.). Palgrave Macmillan.
 5. Chesnokova, O.S., Kotenyatkina, I.B., & Gishkaeva, L.N. (2024). Diskursivnye praktiki nacional'noj identichnosti: gimn Argentiny kak poliparadigmal'naja sushhnost' [Discursive practices of national identity: the Argentine anthem as a multi-paradigmatic entity]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 21(4), 976–993 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>
 6. Davtyan, Yu.V., & Kryukova, E.V. (2022). Religioznaja konceptosfera sovremennogo politicheskogo diskursa v Latinskoj Amerike [Religious Conceptual Sphere in the Modern Political Discourse of Latin America]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki» [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"]*, 22(5), 51–59 (in Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V204>
 7. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Longman.
 8. Filatkina, G.S. (2015). Instrumenty rechevogo manipulirovaniya v politicheskom diskurse Ugo Chavesa (1999–2012) [Speech manipulation in the political discourse of Hugo Chávez (1999–2012)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Lomonosov Public Administration Journal. Series 21]*, 1, 14–29 (in Russian).
 9. Grassetti, J. (2020). El discurso político de Nayib Bukele en Twitter. *Cuadernos del Centro de Estudios de Diseño y Comunicación*, 112, 205–224 (in Spanish). <https://doi.org/10.18682/cdc.vi112.4102>
 10. Jeifets, V.L., & Konovalova, K.A. (2022). Latinoamerikanskaja integracija na fone «pravogo povorota»: mezhdru irrelevantnost'ju i poiskom novyh smyslov [Latin American integration against the backdrop of a conservative wave: between irrelevance and the search for new meanings]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhduнародные отношения [Vestnik RUDN. International Relations]*, 22(3), 447–463 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463>
 11. Larionova, M.V. (2024). Latinoamerikanskij civilizacionnyj diskurs: toponimy kak patterny kul'turnoj identichnosti [Latin American civilizational discourse: toponyms as patterns of cultural identity]. *Jazyk i kul'tura [Language and culture]*, 67, 32–57 (in Russian).
 12. Larionova, M.V. (2025). Svoj sredi chuzhih, chuzhoj sredi svoih: o latinoamerikanskoj identichnosti skvoz' prizmu jetnonimov latinoamericano/latin, hispanic [One of our own among strangers, a stranger among our own: on Latin American identity through the prism of the ethnonyms latinoamericano/latin, hispanic]. *Iberoamerikanskije tetradi [Iberoamerican Papers]*, 13(3), 39–63 (in Russian). <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2025-13-3-39-63>
 13. Malysheva, E.G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyj fenomen: opredelenie i klassifikacija [Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*, 4(30), 32–40 (in Russian).

14. Moiseenko, L.V. (2019). Populistskij politicheskij diskurs: diagnosticheskie priznaki i lingvokognitivnye priemy sozdaniya [Populism in political discourse: diagnostic features and linguo-cognitive techniques of formation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Jazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 18(2), 105–117 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>
15. Ostrovskaya, T.A., & Khachmafova, Z.R. (2024). Politicheskij narrativ telegram-kanalov: marginalizacija jazyka ili jazykovaja aktualizacija sociokul'turnoj situacii? [The political narrative of Telegram channels: marginalization of language or linguistic actualization of the socio-cultural situation?]. *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*, 5(107), 34–41 (in Russian).
16. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika*. [Cognitive linguistics]. AST: Vostok-Zapad (in Russian).
17. Riessman, C.K. (2008). *Narrative methods for the human sciences*. Sage.
18. Selivanova, I.V. (2022). «Latinoamerikanskaya Shvejcarija» [“Latin American Switzerland”]. *Latinskaya Amerika [Latin America]*, 1, 101–109 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0044748X0018057-1>
19. Skrynnikova, I.V., & Generalova, L.M. (2024). Obraznye narrativy v politicheskoy blogosfere: lingvokognitivnyj aspekt [Figurative narratives in political blogging: linguocognitive perspective]. *DISKURS [DISCOURSE]*, 10(4), 121–133 (in Russian). <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-121-133>
20. Slimovich, A. (2016). Política y redes sociales en Argentina. El caso de los candidatos presidenciales de 2011 en Twitter. *Signo y Pensamiento*, 35(68), 86–100 (in Spanish). <https://doi.org/10.11144/Javeriana.syp35-68.prsa>
21. Solovyov, A.I. (2025a). Doktrinal'naja simvolizacija i politicheskoe prostorechie narrativov. Chto menjaetsja v publicnom pole? [Doctrinal symbolization and the political vernacular of narratives. What is changing in the public field?]. *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, 1, 69–87 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
22. Solovyov, A.I. (2025b). Narratives in the area of power. The possibilities and limits of narrative politics. *Politicheskaja nauka [Political Science (RU)]*, 2, 18–40 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>
23. Tameryan, T.Yu., & Shaipova, A.M. (2024). Politicheskij narrativ: koncepcii, tipologii i struktury [Political narrative: concepts, typologies and structures]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 1, 16–35 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
24. Uldanov, A.A. (2024). Politicheskie narrativy v parlamentskih debatah: podhody k analizu narrativnyh jelementov, funkcij i strategij [Policy narratives in parliamentary debates: approaches to analyzing narrative elements, functions, and strategies]. *Politicheskaja nauka [Political Science (RU)]*, 3, 66–86 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.03>
25. van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan.
26. Wodak, R. (2009). *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Palgrave Macmillan.
27. Zaalishvili, I.V. (2025). Political narratives in the Christmas Messages of King Felipe VI of Spain. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 218, 342–351 (in Russian).

28. Zaalishvili, I.V. (2026). Metaforicheskoye modelirovaniye obraza vraga v prezidentskom diskurse Khav'yera Mileya [Metaphorical modeling of the enemy image in the presidential discourse of Javier Milei]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 1(243), 43–51 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2026-1-43-51>

Об авторе:

Ирина Владимировна Заалишвили — кандидат филологических наук, доцент НИУ ВШЭ (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-1578-0620

Получено: 10 апреля 2026 г.

Принято к публикации: 7 августа 2026 г.

POLITICAL NARRATIVES IN THE PRESIDENTIAL DISCOURSE OF YAMANDÚ ORSI AND THEIR LINGUISTIC REPRESENTATION

Irina V. Zaalishvili

HSE University (Moscow, Russia)

selivanova-irina@inbox.ru

Abstract: Uruguay is currently one of the most socially, economically, and politically stable countries in Latin America, which renders the analysis of political narratives as tools of strategic institutional communication in the presidential discourse of Yamandú Orsi particularly relevant. The theoretical framework draws on political linguistics, integrating the critical discourse analysis of N. Fairclough, the socio-cognitive approach of T. van Dijk, the discourse-historical method of R. Wodak, and the rhetorical-critical approach of J. Charteris-Black. The aim of the study is to identify the key political narratives in Orsi's discourse and analyze their linguistic representation and discursive functions. The methodological toolkit includes critical discourse analysis, narrative analysis, and linguo-ideological analysis. The empirical material comprises 34 public speeches delivered by Orsi between March 1, 2025, and April 18, 2026. The analysis identifies the mechanisms of strategic construction of a positive institutional image of Uruguay both domestically and internationally, as well as the nationally specific features of the leader's rhetoric. The study reveals five key political narratives structuring the presidential discourse. First, democracy is conceptualized as the foundation of state stability and social cohesion. Second, pluralism and the alternation of power are presented as essential principles of democratic development that ensure a balance of interests. Third, continuity of power is interpreted as a guarantee of stability, fostering political predictability. Fourth, economic and social stability is portrayed as a direct consequence

of political stability. Finally, peaceful coexistence – both domestically and internationally – is presented as a prerequisite for sustainable development. Collectively, these narratives, expressed through diverse linguistic mechanisms (ideologemes, metaphors, syntactic parallelism), construct an image of Uruguay as a stable state oriented toward dialogue, social justice, and international cooperation. The findings contribute to the study of nationally specific varieties of Latin American political discourse.

Keywords: political narrative, presidential discourse, Latin American discourse, linguistic representation, ideologemes, Uruguay, Yamandú Orsi.

How to cite this article: Zaalishvili, I.V. (2026). Political Narratives in the Presidential Discourse of Yamandú Orsi and Their Linguistic Representation. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 11–39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-11-39>

About the author

Irina V. Zaalishvili, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor at HSE University (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0003-1578-0620

Received: April 10, 2026.

Accepted: August 7, 2026.